

Александр Федайкин
Давид и Голем

Александр Федайкин

Давид и Голем

<https://litres.ru/73976341>

SelfPub; 2026

Аннотация

Далекое будущее. Земля поделена между враждебными фракциями, а над ними нависает Нейрос — глобальная сеть, превращающая людей в послушные винтики. Жанр: научная фантастика, технологический экшен, героика.

Главный герой — Давид, семнадцатилетний островитянин. Его похищают и заставляют охотиться на людей, не объясняя правил. Вырванный из плена, он получает боевую броню «Булат» — почти живое существо — и цель: отомстить. Но встреча с ребёнком под куполом Нейроса рушит картину простой войны. Что, если внутри системы остались живые? И как сражаться с врагом, которого нельзя просто уничтожить?

Плотный, атмосферный текст с акцентом на инженерную эстетику и психологию героя. Для читателей, которые ценят технологическую фантастику с живым миром и моральным выбором.

Содержание

Пролог. Жемчужный закат	4
Глава 1. Девяносто третий	8
Глава 2. Дикарь	13
Глава 3. Кожа и Сталь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Давид и Голем

Пролог. Жемчужный закат

Солнце садилось в океан, растопив горизонт в золоте и пурпуре. Воздух был теплым и густым, пах солью, нагретым за день камнем и сладковатым дымком от печей, где пекли ямс. День угасал, а с ним стихал и равномерный гул механизмов, помогавших общине обрабатывать узкие поля между скалами.

Давид отстегнул тяги своего старого, потрескавшегося экзоскелета и с наслаждением потянулся, чувствуя, как усталые мышцы благодарно расправляются. Рядом, прислонившись к теплому борту тракрота, сидела Лия. Она что-то напевала себе под нос, заплетая темные волосы в толстую косу, и поглядывая в планшетку, на которой мерцала схема завтрашной ирригации.

— Смотри, каким красным бывает, — сказал Давид, кивая на закат.

Лия подняла глаза и улыбнулась.

— К вечеру будет шторм. Рыбаки рано вернулись.

— Не в этом дело. — Давид устроился рядом на валуне, ощущая через потертые штаны остатки дневного тепла на камне. — Просто красиво. И каждый день по-разному. Интересно, они тоже это солнце видят?

— Кто они? — Лия насторожилась, ее улыбка потухла.

— Ну, те, кого забрали демоны.

Легенды о демонах, утаскивающих людей в морской «треугольник» за скалами, — были частью их жизни, как шум прибоя или смена сезонов. Взрослые, озабоченные суровой прозой выживания, не любили этих разговоров: от расспросов отмахивались — не до глупостей. Существовало простое и железное правило: не приближаться к «треугольнику», особенно перед грозой. Кто нарушал — был сам виноват в своей беде. Но, как водится, строгий запрет лишь распял воображение. Для юных обитателей Острова эта тайна была неиссякаемым источником самых смелых догадок. Самая популярная из них гласила, что демоны похищают людей, чтобы испытать их, и тот, кто выстоит, вернется домой с несметными сокровищами.

— Давид, не будь ребенком, — вздохнула Лия, снова уткнувшись в планшет. Им обоим уже по 17 лет, и трудились они наравне со старшими. — Какая разница? Съела их акула, или демон утащил. Их нет. И не надо лезть туда, где их нет.

— Но почему? — не унимался парень. — Просто погибнуть — это одно. А если они живы, и с ними что-то происходит прямо сейчас?

— Зачем тебе это знать? — она посмотрела на него прямо, и в ее глазах была тревога. — Чтобы мучиться? Надеяться? Лучше думать, что их больше нет.

— Так неинтересно, — упрямо буркнул Давид. — Все бо-

ятся «треугольника», а там же самый крупный жемчуг, и косяки рыбы ходят такие, что сети рвутся.

— Сети рвутся! — Лия резко встала, и планшет чуть не выпал у нее из рук. — Вспомни тех, кто хотел поживиться жемчугом. Где они теперь? Никто не вернулся!

Она подошла к краю обрыва. Отсюда был виден весь залив и дальние, темнеющие на горизонте скалы «треугольника».

— Помнишь, что старейшины говорят? Не копайся в запретном. За пределами Острова только безумие и гибель.

— Может, они просто боятся, что мы тоже уплывем? — тихо сказал Давид.

Лия обернулась. В ее глазах стояли слезы. Она смотрела на Давида — высокого, темноволосого, с ярко-синими глазами, в которых угадывалось хорошо знакомое неутолимое любопытство, и она, как всегда, испугалась этого блеска.

— Я тоже боюсь, что ты уплывешь! И тебя заберут, как остальных! А я буду сидеть здесь каждый вечер, смотреть на это дурацкое красное солнце и гадать... — ее голос дрогнул, — ...где ты теперь.

Давид подошел к ней, обнял за плечи. Она не сопротивлялась, прижалась лбом к его груди.

— Ладно, ладно, — прошептал он. — Не буду. Просто мысли вслух.

Они стояли молча, глядя, как последний луч солнца исчезает в темнеющей воде. Ночь была теплой и полной звуков — криков ночных птиц, шума прибоя.

— Да, где они теперь, — задумчиво повторил Давид, глядя в сторону «треугольника».

Там на мгновение мелькнула вспышка — словно далекая молния, хотя небо оставалось чистым. Давид заметил ее и не сказал ни слова.

Глава 1. Девяносто третий

Глаза слезились от напряжения, от усталости его пошатывало. Давид дал себе не больше минуты поправить растяжки на поясе и вытереть пот с лица. И снова надел шлем виртуальной реальности.

Перед глазами появилась знакомая картина: безлюдный природный ландшафт, слишком зеленая трава, слишком лазурное небо. Несколько раз сжал-разжал пальцы, расправляя перчатки с контактами, покрутил плечами, пружинисто присел пару раз, калибруя движения подвесной платформы. С невольным удовлетворением отметил, как легко и послушно реагирует его виртуальное тело – охотничий дрон, быстрый и маневренный.

Привычным жестом вывел в поле зрения служебную панель, проверил капсулу с Девяносто вторым – упакован надежно, можно отправлять в пункт сбора. Давид поморщился и быстро смахнул картинку в сторону. Смотреть на пойманных было неприятно.

В голове прозвучал щелчок и фраза, вложенная в сознание – ЦЕЛЬ 93. ПРИСТУПАЙ.

Очередная цифра. Не охота, а конвейер. Давиду даже нравилась бы игра, если бы его не принуждали к ней. Ну, ничего, поймает сотню, и домой. Это обещание стало единственной опорой в его мире, сузившемся до тесного бункера с иг-

ровым отсеком. Из бункера не было выхода, в этом он убедился еще в первые дни плена. А единственный контакт с неведомыми тюремщиками — голос в игровом шлеме и в терминале на стене спальной зоны — объяснил условия.

Оставалось только играть.

Остров, Лия, ее смех, смешанный с шумом прибоя, шипение его трактора... Когда это было? Месяц назад? Год? Здесь время текло густым сиропом. Каждый день одно и то же: койка для сна, санузел, игровой отсек. Лови. Возвращайся. Спи. Лови. Не единожды Давид пожалел, что тайком отправился в запретную зону, «просто посмотреть», что там происходит во время грозы. Воронка внезапно возникшего смерча выхватила его с поверхности воды вместе с лодкой, как камбалу удочкой. Очнулся он уже здесь, в бункере.

Новый импульс в висках, резкий и безразличный: СЕКТОР 7-ДЕЛЬТА.

Давид рванул рукой в сервоперчатке, и его дрон-охотник послушно ринулся вперед.

Вот и он. Девяносто третий. Светящийся силуэт, похожий на человекообразную медузу, неотличимый от предыдущих. Давиду некому было про них рассказывать, поэтому он им не придумал названия, а просто мысленно обозначал номерами.

Обычно силуэты метались прочь, едва он засекал цель. Некоторые, правда, огрызались в сторону Давида яркими вспышками, после которых иногда приходилось перезагру-

жать систему. Давид постепенно научился ловко выслеживать и аккуратно обездвигивать их, поэтому действовал спокойно и уверенно. Но в этот раз охота не удалась.

Девяносто третий не убежал. То искрился на горизонте, замирая у какого-то круглого холмика, словно дразня, то исчезал. И возникал снова, уже позади, заставляя Давида лихорадочно разворачивать дрон. И опять летел к холму.

Прошло три часа. В висках стучало, пальцы онемели от напряжения, мышцы спины и плеч горели. Если бы ругательства были пулями, от этой светящейся занозы, укравшей три часа его жизни, не осталось бы мокрого места.

«Кто тут на самом деле добыча?» — пронеслось в голове, и по спине побежали мурашки.

— Хватит, — прошептал он сипло. — Хватит игр.

Штраф? Черт с ним. Он вырвет эту светящуюся душу и затолкает в капсулу. Лишь бы это закончилось.

Давид потянулся к краю интерфейса, к виртуальному стеллажу, где мерцала иконка тяжелого оружия. Рука скользнула мимо, он качнулся, на мгновение потеряв равновесие, и мир снова стал тесным, темным шаром, где он болтался на привязи, а не парил над полем.

— Черт, ну все! — выдохнул он, расправляя руки и приседая, ловя баланс. Платформа под ногами успокоилась. Грохот пульса в ушах постепенно затих.

Он поправил шлем. И обомлел.

Девяносто третий не сбежал. Он стоял у того самого хол-

ма. И, казалось, смотрел прямо на Давида.

— Да что ты такое? — прошептал Давид.

Где-то в глубине памяти зазвучал смех Лии. Она смеялась, закидывая сеть в воду. «Давид-мечтатель, — дразнила она его. — Вечно ты где-то не здесь». Он так хотел вернуться к этому «здесь». А эта светящаяся нежить крала его время.

Живот стянулся в тугой узел, зубы сжались до хруста. На виртуальном экране он тронул перчаткой значок, похожий на жало. Система мысленно предупредила о штрафе за поврежденный экземпляр, но ему было плевать.

Силуэт у холма не двигался, идеальная мишень.

— Прощай, — бросил Давид в никуда, и палец сжал воображаемый спуск.

Девяносто третий сорвался с места. Он рванул вверх с невероятной, невозможной скоростью, прямо на Давида, заполнив собой весь обзор.

Выпущенная дроном ракета прошла воздух и впилась в вершину холма.

И тогда мир взорвался. Реальный мир. По-настоящему.

Его швырнуло в стену, разом выбив воздух из легких. Растяжки рвались, как сухожилия, но они смягчили удар. Свет погас. Звук пропал. Он падал в тишину и темноту, а тело пронзила боль.

Давид очнулся через мгновение или через час — было не понять. Он висел в темноте, как спеленатая муха. В ушах звенело, из носа текло теплое и соленое, щипая разбитые гу-

бы.

Тишину разорвал скрежет. Скребущий, яростный, будто огромный зверь вцепился когтями в скорлупу его сферы и рвал ее.

Сверху, в кромешной тьме, с хрустом разошлись створки. В проеме, на фоне тусклого багрового света, возник светящийся силуэт. Но теперь свечение угасало, обнажая грубые, матовые очертания брони. Существо спрыгнуло вниз, и платформа содрогнулась от тяжести.

Давид оцепенел.

— Здорово, чувак, — грубый живой голос прорезал искусственную тишину его тюрьмы.

Что-то щелкнуло, и в грудь Давиду вонзился жгучий укол. По телу разлилось онемение. Последнее, что он успел почувствовать, прежде чем сознание погасло, — это железная хватка на своем плече, запах горелой травы и озона, и ощущение, что его, как мешок с мукой, выдернули из кокона и понесли.

Глава 2. Дикарь

Сознание возвращалось обрывками. Сначала — запах. В нос ударила едкая, маслянистая гарь, перебиваемая сладковатым душком пережаренной картошки. Потом — звуки. Неравномерное гудение где-то за стеной, шипение, похожее на работу паяльника, и чье-то насвистывание — простой, бодрый мотив.

И наконец — боль. Ноющая, глухая, будто его голым протасили по гравию. Он попытался пошевелиться и понял, что лежит на чем-то жестком, закутанный в колючее шерстяное одеяло.

— О, живёх! — раздался голос. — А я уж думал, переборщил с успокоительным. С волками жить — по-волчьи выть, а с нейросовской дрянью — бить наотмашь.

Давид заставил себя открыть глаза. Мир поплыл, но встал на место быстрее, чем в симуляции. Он был в помещении, похожем на гибрид кузницы и убежища. Стены из грубого бетона, заставленные стеллажами с железками, проводами и непонятными агрегатами. В центре — верстак, уставленный платами. В углу, обдавая жаром, стояла буржуйка, на которой шипела сковорода с картошкой.

А перед ним, облокотившись на верстак, стоял человек. По-видимому, тот самый, что вытащил его из сферы. Только теперь он был не светящимся призраком и не бронирован-

ным великаном, а самым обычным усатым мужиком лет пятидесяти в промасленной робе.

— Ты... — попытался сказать Давид, но голос сорвался в хрип. — Ты кто? Где я?

— А я Петрович, — мужик ухмыльнулся, подошел к сковороде и ловко перевернул картошку. — А ты у меня в гостях. В неприкосновенности, не бойсь. Хоть ты и дикарь.

— Дикарь? — Давид попытался приподняться на локте. Голова закружилась.

— А то, — Петрович мотнул головой в его сторону. — Из тех, кто от прогресса в кусты подался. На островах своих отсиживался. Пока вас нейросовская пададь не повылавливала.

Слово «остров» кольнуло Давида, как иглой. Он вспомнил Лию, вспомнил обещание.

— Меня должны были отпустить. После сотни. Я почти... Петрович фыркнул, брякнув сковороду на стол.

— Отпустить? Парень, да ты о чем? Ты же у них лучший охотник, кто такого отпустит?! Счетчик, сотня... это все для мотивации, чтоб ты не сдулся. Как морковка перед мордой осла.

Слова Петровича доходили медленно, как сквозь толщу воды. Давид помотал головой, отгоняя их, и прошептал:

— Нет, они обещали.

— Обещали! — Петрович грустно усмехнулся. — Они всем обещают. А потом подключают к своей паутине, и ты

становишься как они. Ходишь, улыбаешься, в потолок смотришь. Овощ. Красивый, вежливый овощ.

— Что? Кто — они? Какая паутина?

— Ах, да, ты же ничего не знаешь. Ну так слушай, — Петрович с грохотом подвинул табурет и уселся. — Но для начала познакомимся. Как тебя зовут, парень?

— Да... Давид.

— Так вот, Давид. Тот бункер, где ты сидел, — часть пограничной системы Нейроса. А Нейрос — это город под куполом. В нем все жители через нейроинтерфейсы подключены к единой сети. С виду полная идиллия, все счастливы. Надменные, высокомерные — богами себя мнят. Но это цветочки. Мы встречали наших, которых забрали, через купол их видели. Они становятся... другими. Пустыми, как куклы. «Нейроботами» мы их зовем. Друзей, семьи — всех забывают.

Он помолчал, поскреб щетину на подбородке.

— Случалось нам и «языков» брать. Захватывали нейроботов в плен, сажали в карантинную камеру — думали, допросим, узнаем, что у них там внутри творится. А они сидят, глазами хлопают, на вопросы не отвечают. Кто плачет, кто в стену смотрит. Дезориентированы полностью. И главное — умирали быстро. День, два — и все. При вскрытии оказывалось, что мозг разрушен в кашу. Будто без своей сети они просто не могут существовать.

Петрович насупился, вспоминая.

— Ты думаешь, зачем тебя похитили? — он посмотрел на Давида. — Чтобы наших ловил и присоединял к Нейросу. Вот ты, гад такой, почти сотню люддитов лично и угробил. Ладно-ладно, не напрягайся. Я не осуждаю, ты же не знал ничего.

Петрович добродушно усмехнулся, но в его глазах не было смеха.

— Первых-то охотничьих дикарей мы без разговору убивали. А потом догадались — что-то в вас особенное Нейрос находит. И это что-то можно использовать против них.

— Я не понимаю, зачем меня во все это втянули. — Давид занервничал. — Почему я? Почему они сами не ловят вас? Они же могут!

Тут озадачился Петрович.

— А ведь верно, зачем им дикарей на отлов сажать? Еще и притаскивать непонятно откуда? Может, не хотят руки марать, сволочи чистоплюйные. Ну, в общем, так. Основное я тебе рассказал, а теперь — самое главное.

Он подошел к Давиду и посмотрел на него прямо, и в его глазах не было уже ни капли шутки.

— Твой остров, Давид, твою общину... они уже подключили. Месяц назад. Там теперь ихний купол стоит. Всех. Никого не осталось.

Давид перестал слышать гудение генератора, шипение буржуйки, даже собственное дыхание. Мир сузился до лица Петровича и этих слов.

Никого не осталось.

Лия. Друзья. Старейшины. Все.

Обещание было ложью. Его дом уничтожен, его будущее украдено.

Сначала — пустота. Потом из самой глубины поднялась слепая волна горечи и ярости.

Он не заметил, как сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. По щекам потекли горячие, бессильные слезы.

Петрович молча наблюдал, лицо его стало серьезным, даже уважительным.

— Вот теперь ты понял, — тихо сказал он. — Вот теперь ты наш.

Давид поднял на него горящий взгляд.

— Что... что мне делать? — его голос звучал хрипло и чуждо. — Скажи, что мне делать.

— Жрать, — буркнул Петрович. — А потом покажу кое-что.

Горячая картошка оказалась безвкусной, но тяжесть в желудке возвращала ощущение реальности. Через четверть часа Давид уже стоял на ногах, прислонившись к прохладной бетонной стене. Тело ломило, зато в голове прояснилось.

Петрович, тем временем, копошился у одного из стеллажей, что-то бормоча под нос.

— Ты в своей виртуальной конуре управлял железякой. Ловкой, стрекозиной, — бросил он, не оборачиваясь. — Но это игрушка. А наша задача другая.

Он нажал на незаметную панель, и часть стены с шипением отъехала в сторону, обнажая скрытую нишу. Давид невольно ахнул.

Внутри, на массивной подставке, стояла бронированная человекоподобная машина — такая же в момент похищения мелькнула над ним черным силуэтом. Тогда он не успел разглядеть ее, зато теперь видел во всех подробностях. Мозаичная ее поверхность была сложена из сегментов разного размера и формы — от массивных плит на груди и бедрах до тонких колец на пальцах рук. Матовая чернота бронепластин поглощала свет, лишь в стыках пульсировало тусклое оранжевое свечение — будто в стальном теле билась раскаленная кровь. На спине бугрились блоки реактивных ранцев. В массивных очертаниях предплечий легко угадывались стволы встроенного оружия и мощные захваты.

— Вот, — произнес Петрович с неприкрытой гордостью и провел ладонью по плечу исполина.

Пластины дрогнули, разошлись веером, и бронированная грудь раскрылась, обнажая внутреннюю полость — пустую, повторяющую очертания человеческого тела. Машина оказалась бронекостюмом.

— Это тебе не бездушный робот. Это «Булат». Наша кожа. Наша сталь. Вершина цивилизации.

Он повернулся к Давиду. Его глаза горели фанатичным огнем.

— Они там, в своих куполах, думают, что обогнали при-

роду. Что их нейронная пыль — это будущее. А мы, выходит, ретрограды. — Он хмыкнул. — А по-моему, будущее — это когда твой скафандр не подведет в метре от щупалец Нейроса. Когда генератор работает в твоём доме двадцать лет без поломок. Когда ты можешь своими руками починить все, что сломалось. Вот она, настоящая сила. Не в ихних сетях, а в этом!

Петрович с силой хлопнул ладонью по грудной пластине «Булата».

— Они забрали у тебя все, дикарь. Хочешь, научу, как им за это ответить? По-нашему. По-люддитски.

Взгляд Давида скользнул по мощному корпусу костюма. В нём он увидел возмездие — единственное, что ему осталось.

И он кивнул.

Глава 3. Кожа и Сталь

Дни слились в череду боли, пота и металла. Лагерь люддитов оказался не казармой, а скорее укрепленным поселением, втиснутым в руины какого-то до-нейросовского комплекса. Здесь жили семьями, растили детей, чинили технику и лишь между делом — готовились к войне. Война была не целью, а досадной необходимостью, вроде обработки полей от сорняков.

Давид обживался быстро. По вечерам, сняв броню, он ужинал в общей столовой вместе со стажерами — такими же молодыми парнями, что гоняли его на полигоне днем, а за столом беззлобно подкалывали. Повариха, суровая молчаливая тетка, подкладывала ему добавку, стоило только задержаться у раздачи. Петрович был в поселении главным — не по званию, званий у люддитов не было, а по сути: его слушались, с ним советовались.

Станным казалось Давиду отношение люддитов к вещам. Собственное жилье, одежду, утварь они словно не замечали — стены спален были голыми, посуда щербатой, инструмент валялся где попало. Но стоило кому-нибудь небрежно опереться на «Булат» или оставить разводы на забрале, как вспыхивал скандал. Броня полагалась самым лучшим бойцам, элите. И отношение к ней было уважительное, почти благоговейное.

Два места в лагере были для Давида закрыты. Первое — приземистый цех за высокой стеной, откуда доносился ровный гул станков. На воротах еще читалась полустертая надпись «ЗАСЛОН». Здесь, по словам Петровича, рождались «Булаты». Туда допускали только командиров и инженеров, державшихся особняком и почти не появлявшихся в общей столовой. Второе — реакторная, спрятанная глубоко под землей, где на старых люддитских установках «Плазма-2» и «Плазма-7» выращивали субатомные топливные элементы для брони. Давид видел лишь массивный гермозатвор и часовых у входа.

Петрович занимался с ним лично — остальные стажеры осваивали броню месяцами, Давиду же предстояло войти в строй втрое быстрее. Наставник гонял его до изнеможения, но и поддерживал, когда что-то наконец начинало получаться.

Первые уроки были жестокими. Физподготовка давалась сравнительно легко — Давид, как и все островитяне, много занимался физическим трудом и был в хорошей форме, и занятия по тактике ему нравились. Труднее всего было освоить броню. Оказалось, что Петрович заранее заказал для Давида «Булат», задолго до их встречи. Именно тот новенький костюм из мастерской, совсем «необъезженный».

На Острове Давид считался знатоком техники — с ним советовались даже опытные механики, и никто лучше него не умел настроить капризные золотники тракрота, массивной

многоножки, работающей на вихревом паровом двигателе, которую использовали для обработки земли, перевозки грузов и много для чего. Он привык также полагаться на усилители мускульной тяги — тяжелые, медленные, но понятные механизмы. Другое дело — «Булат». Броня обладала невероятной мощностью и как будто стремилась продемонстрировать ее Давиду при каждом удобном случае. Она запаздывала, когда он спешил, и тянула вперед, когда он медлил; нужно было не командовать ею, а договариваться, ловить момент, когда сталь сама шла навстречу. Первый же шаг в тренировочном зале закончился падением. Он не шел, а ковылял, словно пытаясь удержать на плечах тяжелое бревно. Сервоприводы отзывались на малейший сигнал мышц с опозданием, заставляя его двигаться рывками, как марионетка.

— Не борись с ним, дикарь! — орал Петрович, наблюдая за его мучениями. — Он тебе не враг, он — твоя вторая кожа! Тяжелая кожа! Ты же не дерешься с собственной шкурой? Чувствуй его!

Чувствовать получалось плохо. «Булат» был воплощением философии люддитов: надежный, смертоносный. Никакой нейросвязи, только тактильная обратная связь через гидравлику и усилители. Чтобы повернуть, нужно было реально напрячь мышцы, будто толкая бронированную дверь. Здесь не помогали прежние навыки — экзоскелеты Острова были грубее и проще, а турбопечи и трансмиссии паровых механизмов по сравнению с начинкой «Булата» казались детской

игрушкой. Он ронял учебные снаряды, захваты со скрежетом царапали стены, а однажды, попытавшись резко развернуться, беспомощно повалился на спину, как огромный жук. Со стороны донесся сдержанный смех других стажеров, уверенно управлявшихся со своей броней.

Но постепенно Давид начал улавливать логику брони, а она — его привычки. Он учился предугадывать шорох сегментов, завывание турбин и отдачу при выстрелах из встроенных пушек. Начал чувствовать, как броня становится продолжением его тела, а гул гидравлики — биением второго сердца.

Чем дальше, тем больше «Булат» раскрывал свою сложность. Ключом к функциям брони служили датчики, распределенные по всей внутренней поверхности: они считывали движения тела и преобразовывали их в команды. Больше всего сенсоров было в перчатках: каждый палец и сустав передавали десятки сигналов, и разные их сочетания — жесты, нажимы, щипки — включали разные системы. Давид часами заучивал паттерны: вот так вызывается огнемет, так — ранец, так — смена режима визора.

Сам визор был прозрачным, но при необходимости сверху опускались бронепластины, закрывая лицо полностью, — тогда человек внутри видел через внешние датчики, и картинка выводилась на внутренние экраны шлема. Система индикации была многослойной: тактические данные, состояние узлов, температура, боекомплект — все накладывалось

одно на другое, и поначалу Давид просто терялся в этом мелькании. Но со временем глаза привыкли выхватывать главное.

Однажды, после изматывающей симуляции обороны, они сидели в той же мастерской, запивая жареную картошку крепким, горьким чаем. Давид молчал, растирая ноющие руки.

— Что, дикарь, мозги не варят? — хмыкнул Петрович, разбирая какой-то узел. — Говорил же, наши девайсы для дела, а не для забав.

— Почему вы так... — Давид искал слово, — так упрощаете? Ваш костюм мог бы быть быстрее, точнее, если...

— Если воткнуть в него нейрочип? — Петрович усмехнулся, не глядя на него. — Чтобы он стал как у них? Нет уж. Мы не для того ушли, чтобы тащить ихнюю заразу с собой.

— Ушли? От кого?

— Ото всех, — Петрович стал серьезным, отложив инструмент. — Когда этот ваш «сингулярный переполох» начался, технологии в мире бешено скакнули, умники разделились на стаи. Одни полезли в сети мозгами торговать. Другие — свое тело переделывать. Третьи — в компы залезать. А мы посмотрели и поняли — чума на все их дома. Решили остаться людьми. Поэтому мы — люддиты!

Он выдержал многозначительную паузу, а потом ткнул пальцем в Давида.

— Вот вы, островные, — почти как мы. Только вы в ка-

менный век подались, а мы — вперед, но своим путем. Без этого... — он презрительно махнул рукой, — ...ковыряния в божьем промысле.

— Какие еще стаи? — не унимался Давид. В нем проснулось прежнее любопытство.

На Острове Давид пропадал в библиотеках: школьной, где хранились потрепанные учебники, и взрослой, при Совете старейшин, куда допускали только с разрешения. Он читал все подряд — справочники по агротехнике, атласы морских течений, обрывки энциклопедий. Но больше всего любил отдел с «окулусами» — тяжелыми очками, в которых оживали старые фильмы. Они обрывались серединой двадцать первого века. Давид знал, что их община не всегда жила на Острове, но откуда они приплыли и где жили раньше — на этот вопрос не отвечал никто. Старейшины уже не помнили, а книг, в которых это могло быть записано, не сохранилось.

Петрович вздохнул, налил еще чаю.

— Ну, про нейроботов я тебе рассказывал. Тех, что в куполах. Ходячие трупы, главная наша забота.

— А еще?

— А еще были жестянки. — Петрович фыркнул. — Гордецы. Титаны, мать их. Решили, что тело — это хлам. Отказались от него, переселились в свои блестящие машинки и укатили в космос. Говорят, ищут там смыслы какие-то. Дураки. Какой в космосе смысл? Он холодный и пустой.

Давид вспомнил звездное небо над Островом. Для него

оно всегда было полным жизни и тайн. Для Петровича — пустотой.

— Еще клейковина — слизняки подводные. Биотехи, короче. — Лицо Петровича скривилось от брезгливости. — Полезли в генную инженерию, теперь сами не поймут, кто они — люди, рыбы или грибы. Прячутся на дне океанов, смотрят на всех свысока, твари противные. Раньше мы с ними торговали, даже вместе на Нейрос вылазки делали. Пока они не скурвились окончательно.

— А в компах кто? — осторожно спросил Давид, вспомнив объяснения Петровича.

— А, эти, — Петрович почесал затылок. — Виртухаи мы их называем, цифровые призраки. Те, кто решил, что можно ум свой в комп переписать и жить вечно. Ан нет — списали, а получился слепок. Как портрет на могиле, только оживший. Ходят по всяким старым сетям, пакостят, как вирусы. На мой взгляд, они безвредные, а кое-кто из наших их не любят, говорят, что те могут заразить броню, вот и крушат сервера, какие найдут.

Он допил чай и грохнул кружкой о стол.

— Вот и вся компания. Одни — мертвые, другие — сбегавшие, третьи — слизняки, четвертые — призраки. А мы — вот они. Истинные наследники человечества, реальные, из плоти и крови. И стали, конечно. — Он похлопал по своему «Булату», стоящему в углу. — И мы будем драться за это, пока можем.

Давид смотрел на свои руки, обдумывая услышанное. Картина мира Петровича была простой и ясной, как удар кувалды. Они — хорошие, остальные — плохие. Нейрос — абсолютное зло.

Но он представлял себе титанов-«жестянок», летящих где-то в пустоте. Биотехов-«слизняков», таящихся в глубокой тьме океана. Призраков-«виртухаев», болтающихся в забытых сетях. Разве можно было всех их просто ненавидеть? Не пытаться понять? Вопросы крутились в голове, но он отогнал их.

Не время для любопытства. Время для мести.

— Когда на задание? — твердо спросил он. Громить бункеры и крушить периметр — так ему на тренировках объясняли задачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.